



Павел Троицкий

# **Батюшка**

и другие портреты

Павел Троицкий  
**Батюшка и другие портреты**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

## **Троицкий П. В.**

Батюшка и другие портреты / П. В. Троицкий — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Эта книга - опыт многолетних наблюдений за церковной жизнью. Автор имел возможность хорошо с ней познакомиться, и ему попадались: подвижники и чудаки, простые люди и заносчивые батюшки, кающиеся грешники и нагловатые обманщики, хорошие артисты и простодушные труженики. В результате сложилась такая вот портретная галерея. Она еще не закончена, не закрыта, и добавляются все новые картины. Книга написана с надеждой, что подвижников и верующих людей станет больше, а пена уйдет и унесет грязь.

# Содержание

Вступление	5
Батюшка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

## Вступление

Предлагаю небольшое собрание рассказов из церковной жизни не придуманных, но и не лишенных вымысла. Автор убежден, что мало кем ныне уважаемая правда не повредит и в церкви, и тем более Церкви. Более того, если мы перестаем жить ею, то неизбежно когда-то потеряем и Истину. И поэтому я пытался писать обо всем как оно есть и как оно было. Когда я составлял эту книгу, то обратил внимание, что многие из персонажей уже покинули этот мир. Они не ушли навсегда, но у нас остались их отражения, тени. Собственно всякий литературный образ и есть именно образ, тень, того богатого мира, который составляет каждая душа человеческая.

## Батюшка

«А подрысник-то на нём старый, короткий, выше щиколотки сантиметров на 15», – ядовито заметил отец Игорь.

У о. Дионисия эти слова вызвали законное возмущение. А как не возмутиться если из под подрысника торчат ноги в носках и ботинках? При этом носки необязательно чёрные, а ботинки обязательно неначищенные! А то есть ещё такие тёмные бати, которые в кирзовых сапогах ходят. Такая, дескать, традиция. Но о. Дионисий не хотел показывать своего возмущения при гостях: нужно ли выносить церковные дела на общий суд? Взгляд его рассеянно скользил по столу. Сначала он поглядел на небольшую серебряную рюмочку, откуда он символически отпивал при каждом тосте глоток французского коньяка. Затем взгляд перешёл на блюдечко с чёрной икрой, с него на такое же – с красной, далее на специально для него приготовленный без майонеза салат, оттуда на ветчину, сырокопчёную колбасу, салат оливье – Ирина Петровна его приготовила, осетрину и красную рыбу, точное название которой он не знал, затем задержался на блюде с курицей: блюдо старинное, очень ему нравилось. «Терпеть не могу современной безвкусицы», – думал о. Дионисий, с удовольствием рассматривая блюдо.

«Что за попы нынче пошли: подрысник нормальный сшить не могут! Никакой интеллигентности», – подумал он с раздражением.

Неосторожный рассказ о. Игоря разрушил праздничное настроение настоятеля и начисто лишил его аппетита. Стали ему вспоминаться разные монахи, тёмные не только по цвету одежд, но и вовсе какие-то грязные «Культуры нет!» – любил восклицать в таких случаях о. Дионисий. Ну, как культурный человек может ходить в таком виде? А нечищенные ботинки – это вообще не умещалось в его голове. Сколько раз говорилось этим недотёпам, что ботинки должны быть начищены и обязательно чёрного цвета. О. Дионисий вообще, когда встречал священника, сразу смотрел на его ботинки. Ботинки сразу характеризовали человека. Ну, что чёрные должны быть, то усвоили, наконец, но чистить их не заставишь. А разве это человек, который не чистит ботинки? А священник? Он лучший из людей! Должен быть таковым, образцом для других во всём: образован, культурен, не лишён смекалки, говорить должен хорошо. А если он не научился смотреть за своей внешностью, то какой пример он подаст мирянам? Тяжёлые думы овладели о. Дионисием. Наступила перестройка для Церкви, открылись врата необычайных возможностей. Но, что же оказалось? Нет пастырей: нет культурных, интеллигентных пастырей! Да, что там священники! Посмотреть надо, что у нас за епископы! Что это образованные люди? В обществе разговора поддержать не могут! То ли дело его покойный учитель – владыка Никифор: с любым мог найти общий язык. Сколько он всего добивался в трудные годы для Церкви. «Как мы с отцом ждали этих перемен! И вот дождались», – думал о. Дионисий. Его родной отец стал священником после армии, затем закончил семинарию. Образование, конечно, не очень. Но он, выходец из простых людей, крестьян, смог впитать в себя культуру. Не то, что эти современные неучи, часто с высшим светским образованием. Ни ходить не умеют, как подобает, ни говорить – манеры ужасные. От этих мыслей о. Дионисию становилось всё тягостней. И, чтобы отвлечься он попытался прислушаться к разговору за столом и ненароком стал рассматривать гостей. Надо сказать, что о. Дионисий редко терял нить разговора. Годами вырабатывалась привычка думать о своём и внимательно следить за происходящим. Это необходимый навык для священника, часто приходится поддерживать беседу и давать в нужный момент возглас. О. Дионисий в таких случаях никогда не ошибался.

Вот они – его гости, пришедшие на сегодняшний праздник. Ближе всего к нему сидит, как обычно, Борис Миронович – владелец какой-то топливно-сырьевой фирмы. Как священник он не обязан знать, какой именно. Борис Миронович не красавец, и его длинный загнутый к низу

нос, кажется, ещё больше загибается, когда он усмехается. А зачем ему красота? Он и без неё всего достиг – весьма богатый человек. Хотя жулик, конечно. А все они... жулики. О. Дионисий приучил себя даже мысленно не произносить это слово, а иначе как-нибудь выскочит. А слово, как известно, не воробей. Поймают – донесут, в газетах пропечатают или патриарху доложат. И тогда – конец. Это отец его всё никак не может перестроиться. Хотя некие из патриотов на его приходе пустили слух, что он сам... Волосики чёрные вьются – для них достаточный материал для обвинения.

Знали бы они его отца! Привёз ему серьёзного предпринимателя для беседы, в ходе которой надо было бы намекнуть на роспись храма, Андрея Моисеевича, а он то ли отчества не расслышал, то ли совсем старый стал, начал крыть евреев и жидов. Ну, да Моисеич, умнейший человек, сумел деликатно выйти из ситуации. Ну, да ему не в таких переделках приходилось бывать.

Или вот сидит Виктор Степанович. Такой круглый человечек. Хоть он в действительности и не такой толстый, но почему-то представляется круглым. Всё в нём имеет форму круга: вечно улыбающееся лицо, небольшой животик, да и вся фигура какая-то круглая без углов и неровностей. Да и характер, и мысли без углов и шероховатостей. Говорит всегда гладко и всегда не о чем. Одновременно и ревнитель православия, и человек очень современный. У него фирма, связанная с ювелирным золотом.

За ними сидят Петр Григорьевич и Владислав Иванович, директора каких-то мелких фирм. О. Дионисий уже не вдавался в подробности, каких именно. Ну а дальше всякая мелочь. Справа от него восседал о. Игорь – коротко стриженный молодой священник, человек образованный, кончивший юридический факультет и попавший в православие в самое удачное время. И в самое время женившийся. И на ком! На дочери самой... Не только вхожей к нашему владыке, но и весьма пригожей. О. Дионисий мысленно улыбнулся этой рифме. Хотя в действительности тёща была уже стара и совсем не пригожа, но непослушного попа могла убрать в пять минут одним росчерком пера. Владыки, разумеется.

О. Дионисий относился к её зятю с усмешкой: знает батя, где деньги лежат. Хотя при такой тёще о. Игорь вовсе ни в чём и не нуждался, но придя в храм, в среде прихожан сразу разглядел двух-трёх вполне платёжеспособных людей. И не отпускал их от себя, «духовно окормляя». О. Игорь кончил семинарию заочно, в богословие не вдавался, говорил красивые проповеди и думал, что православие отличается от католицизма, подобно квасному хлебу от пресного. Хотя, впрочем, всё это ничуть его не интересовало, и он согласен был примирить одно с другим, если бы ему позволили. Говорить с ним было решительно не о чем. Общей для них темой были грязные, необразованные и суеверные монахи. На эту тему они могли говорить часами, всегда вспоминали иеромонаха Доримедонта с соседнего прихода и особенно возмущались, почему монахам разрешают служить в приходских храмах. «Сидел бы в монастыре и молился бы», – заключал обычно беседы о. Игорь. А о чём с ним ещё говорить, с этим выскочкой?

Хорошо хоть отца Иоанна нет. Признаться, о. Иоанн всегда вызывал у о. Дионисия внутреннее раздражение, и он был бы рад от него избавиться, да не знал как. Слишком умный – шёл бы тогда в учёные. А священство – это особый труд, тут призвание нужно. Но кроме призвания, надо быть воспитанным в православной традиции, то есть происходить из рода потомственных священников. А так получается одно умничанье. Ну, преподаёт этот Иоанн в академии. Книжечек начитался и всюду высказывает. А церковности глубокой у него нет. И о. Дионисий вспомнил неприятную историю, которая произошла сразу после назначения о. Иоанна в его храм. После первой службы, на которой о. Дионисий присутствовал в качестве наблюдателя он стал высказывать все те огрехи, которые совершил этот умник. Говорил начальственным голосом, строго, даже несколько на повышенных тонах, так как уже ознакомился с биографией о. Иоанна и знал, что рос он без отца, мать была простая просфорница и бояться тут

нечего, а поставить на место надо сразу. И вот этот молодой гордец, не знавший настоящего послушания, говорит: «А где это написано?» Наоборот, мол, в Типиконе, говорится так-то и так-то, а в книге для священнослужителей – так. И шпарит всё наизусть. О. Дионисий растерялся, но скоро собрался с мыслями: нельзя же показать эту свою растерянность подчинённому. И сказал, почти что прокричал: «Юноша, уймись! Я вам говорю, что надо служить, как служили люди, имевшие духовный опыт, как служил мой отец. А Вы мальчишка, не знающий православных традиций! Думаете, академию кончили и всё уже понимаете. Будете делать, как я сказал. Тут я настоятель». И остался доволен собой. Не уронил авторитета настоятеля и, посмотрев на вытянувшееся в недоумении лицо о. Иоанна, развернулся и вышел прочь из алтаря. Но через пару дней, когда он зашёл в епархиальное управление, секретарь о. Вениамин просил его зайти к себе и, как всегда, ласково сказал, что не стоит говорить слишком строго с молодыми священниками. «Они-то даже не знают, как вели себя священники в наши времена. Откуда у них взяться опыту? Надо снисходить к их немощи. Почти никто не умеет правильно кадить: размахивают кадилом, как попало. А в семинарии раньше самое главное внимание уделяли каждению. Подсунут книгу под локоть: вот и ходи – кади и попробуй книжечку уронить-то! Да к тому же о. Иоанн – наша надежда, подающий надежды священник. Прекрасные проповеди пишет... И тут он многозначительно посмотрел на о. Дионисия. И, кроме того знает несколько языков. Одним словом, очень образованный священник. И владыка его очень потому привечает... Так что вы уж, о. Дионисий, с ним потише». О. Дионисий вышел, как оплётанный. Теперь перед мальчишкой унижаться! Унижаться он, конечно, не стал, и вообще как бы старался с тех пор его не замечать. А о. Иоанн, как по какому-то неписанному договору, старался в храме не задерживаться, после службы сразу бежал на требы и незаметно как-то исчезал из поля зрения. Частенько его вызывали на службы к владыке, и о. Дионисий был этому несказанно рад. Это облегчало его существование. Одним словом, никак этот юноша не подрывал авторитет о. настоятеля. «Да и кишка тонка у него подорвать авторитет настоятеля. С жиденькой непонятного цвета бородкой, наверно русой, даже не обращал внимание на цвет его волос. Жиденькие волосики на голове, прикрытой колпаком, который, вероятно, должен называться скуфейкой (шил, видно, какой-нибудь безработный сапожник). В стареньком подрыснике. Где только откопал он это творение после того, как в чрезвычайно вежливой форме ему было сделано замечание, что прежний коротковат? И вообще, носится везде, строит из себя бедняка. Жаль, что приходится церемониться с этим верхоглядом. В семинарии-то он преподаёт. Хорошо, хоть сегодня его здесь нет, а то всегда пользуется моментом, чтобы показать себя перед спонсорами. Тьфу, не люблю этого слова, да привязалось. Скажешь что-нибудь за столом, плавно, с интонацией, хорошо выговаривая слова, а этот чуть ли не прервёт, начнёт что-то тараторить. Надо будет с о. Симеоном о нём поговорить, надо от него как-то избавляться. О. Симеон большой выдумщик по этим делам и приближённый... Да ещё непонятно, о чём этот о. Иоанн на архиерейских службах болтает. Так и рождаются сплетни».

«Несомненно, то, что удалось договориться с греками и привезти мощи св. вмч. Пантелеймона в Россию, – это большой успех ОВЦС. Сколько людей смогли приложиться к главе великого святого. Я сам видел этот нескончаемый поток. Многие получили исцеления, по указу Патриарха все эти случаи собираются и записываются...» – вовремя вступил в разговор о. Дионисий и, как всегда, впопад. Это был талант, которым очень гордился о. Дионисий. Но и потрудиться над его развитием, конечно, пришлось немало. Не бывало случая, чтобы он что-то забыл или прозевал. «А сколько юродивых, грязных, убогих бомжей пришло? Которые даже не знали, куда они идут и зачем», – уже мысленно продолжил свою речь настоятель.

Да очевидно, что он что-то болтает. Откуда же иначе рождаются эти нелепые слухи? Всё время служения на этом восстановленном лично им приходе о. Дионисий провёл в борьбе со слухами и сплетнями, но никак не мог победить их. Разоблачив сплетника, он тут же убирал его из прихода, но слухи рождались снова и снова и доходили до о. Дионисия окольными путями,

через знакомых священников, иногда мирян, его прихожан с бывшего его прихода. Батюшка пристально присматривался ко всем работникам храма. Тщательно наблюдал, чтобы все были загружены работой, не было никаких чаепитий и болтовни. «Да и болтать-то им особенно не о чем», – с ехидцей подумал о. Дионисий. О чём будут болтать бабки, которые читать-то толком не умеют, а писать об этом и речи нет. Он даже не сразу научился понимать, что пишут они в своих записках. Откуда они берутся, эти бабки? А сами что за типажи: одна приехала к сыну из глухой деревни, другая всю жизнь проторчала в котельной, остальные – «даже не знаю». Слова правильно сказать не могут. И где их Валериан Олегович находит только? Валериан Олегович, староста, – человек умнейший, без лишних слов, а порой-то даже и вслух нельзя всё произнести, угадывает его мысли и желания. Вот он-то и собрал работящую и неразговорчивую команду. Один сторож-то наш бессменный чего стоит: и немой, и писать-то не умеет! А сторожит практически непрерывно. Что-то у него с головой, но да у о.Дионисия нашёл приют и как-то в ум стал приходить. И все довольны, и мать его благодарит. Единственный ребёнок, и теперь при деле. А все бабки? Они ему многим обязаны, и многое в их жизни с ним связано...» Тут мысли о.Дионисия почему-то остановились. Нашёл на него какой-то столбняк... «Да, а до них-то покоя не было – одни интеллигентшики: бывшие учёные, преподаватели, инженеры, – бросились в церковь. Все лезли на собраниях выступать, всюду совали свой нос, особенно в казну. Показывали устав и объясняли его права. Пытались даже доказать, что он самолично не может распоряжаться всеми средствами храма. Ничегошеньки этим мракобесам не удалось. Ему с Валерианом Олеговичем пришлось выдержать тяжёлую борьбу, и они победили. Не стало здесь этих всезнаек, они пошли баламутить в другие места. В какие?» – спросил себя батюшка. «В какие-то, – вполне резонно он ответил себе, – мне-то какое дело. Устраивают где-то компании против экуменизма, сближения церкви и государства, что столь необходимо для благоденствия церкви». Один из них, Симонов кажется, плешивый господин лет пятидесяти в поношенном плаще и очках со сломанной дужкой, и к тому же небритый, до сих пор иной раз забегает в храм со своими листовками. Показывает их о. Дионисию, который поступает очень мудро: с шуточкой берёт листовочку и тут же даёт указание через старосту внимательно присматривать за этим Симоновым, чтобы он никому ничего в храме не предлагал. Конечно, это мудро – не противоречить им видимо. О.Дионисий очень радовался, что сумел найти такой выход: ни мира, ни войны, а врагов потихоньку истребить. Страшно сказать, что эти горлопаны пытались замахнуться на самого владыку Никифора – святого человека, много сделавшего для пользы церкви.

Да, Валериан Олегович, хоть человек нецерковный и мало что знает, бывший партийный работник, но задачи церкви он сразу близко принял к сердцу и очень помогал батюшке. Только, к сожалению, о. Дионисию это доподлинно известно, он при разговоре с людьми частенько намекает, что храм из руин поднял он практически один, а о. Дионисий молился и молился, несмотря на стужу и прочие неудобства. Это, конечно, хорошо, что людям говорит, что он молился, но гнусно отстранять его от всякого участия в возрождении храма. Сколько раз он давал понять это старосте. Ну, ладно там перед бабками хвастаться или перед всякой мелочью, которую он, как и о.Дионисий, определял сразу по манерам, по поведению, одежде, ботинкам, тоже, в общем, человек неглупый. Но людям-то зачем об этом говорить? Тут что-то заставило о.Дионисия отвлечься. Оказалось, это был всего лишь луч света, упавший на маковку храма, отразившийся в ней и приласкавший о. Дионисия.

«Вот, помню, приехали мы в Кёльнский собор, там находятся мощи волхвов.

Да, тех самых», – заливался воем о. Игорь.

«Да, не зря всё-таки прожита жизнь. Этот храм – памятник нам. Подняли всё-таки из руин, разрушенный нехристями». Луч как бы пригрел о.Дионисия, ему вспомнилось его детство. Казахстан, где он родился. Там оказалась его семья после того, как его дед был расстрелян. Там мать и познакомилась с отцом. Потом в более мягкое время они перебрались во Вла-

димирскую область, затем в Московскую. Вспомнилось, как они с матерью ходили за 12 вёрст в храм, в котором служил его отец. Как он истово молился перед иконой Казанской Божией Матери, чтобы коммунисты не закрыли храм. Время-то было хрущёвское. Затем служба в стройбате, где над ним сначала пытались издеваться, били его. Били, били, да не убили, а закалили на всё жизнь. Вспомнил, как запустил ведром с песком прямо в голову украинцу-здоровяку Мищенко. Краем глаза он видел, что Мищенко подходит к нему с боку с двумя друзьями, а он в это время как раз принимал сверху ведро. Он не стал дожидаться, пока его начнут бить, и с маху швырнул ведро в этого Мищенко. Тот почти что увернулся, но ведро всё-таки зацепило его. И он долго ещё ходил, кособочась. Да, в стройбате он прошёл большую школу. Какие там были типажи! Вот Волгин, на вид просто херувимчик. У него периодически вскакивали какие-то волдыри. Оказалось, он где-то раздобыл шприц, и чтобы не работать, что-то вкалывал себе под кожу, предварительно прополоскав иглу в грязной луже. Есть ли у этих юношей, именуемых священниками, подобный опыт?

Затем семинария, академия. Знакомство с владыкой Никифором. Это, пожалуй, самое светлое, что было в его жизни. Жалеет он об одном: владыка направил его учиться в папский институт, но мать – умная, но простая женщина, – услышав про это, только чуть вскрикнула и всплеснула руками. Она, конечно, думала о том, что там из православных делают униатов, но не подумала о том, что там дают прекрасное образование. В результате он съездил туда, посмотрел и вернулся обратно. Владыка ничего не сказал и внешне относился к нему всё так же, но о. Дионисий, тогда просто Денис, понял, что тот на нём поставил крест. Но долго об этом раздумывать не пришлось, потому что вскоре он женился. Его рукоположили и направили в один из самых лучших храмов.

«Надо пойти немного прогуляться», – неожиданно сказал сам себе о. Дионисий. Все удивлённо посмотрели на него. Всем было прекрасно известно, что о. Дионисий может просидеть с ними хоть 3-4 часа, не вставая, и вести поучительную и очень полезную для души беседу. «Я на десять минут, всего на десять минут», – сказал он, жестом как бы усаживая обратно начавшего уже привставать Бориса Мироновича. Он сам не знал, зачем захотел выйти на улицу. Была уже осень... Прекрасная глубокая осень, когда землю покрывает жёлтая чешуя умерших листьев...

«Покрывает, только не у нас», – с насмешкой добавил про себя настоятель. Постояв несколько минут, он вошёл в соседнюю дверь, где была общая трапезная. Надо посмотреть, как там у них насчёт порядка, да и просто припугнуть. Разговор шёл гораздо оживлённее, чем там, в палате избранных. Лукерья Владимировна чокалась с Тамарой Петровной бокалом, в котором плескалась какая-то фиолетовая жидкость. «Надо Валериану Олеговичу по шее дать за такую дрянь», – мелькнуло в голове у о. Дионисия. Он с гордостью вспомнил, как неожиданно зайдя в общую трапезу, обнаружил на столе обрезанный помидор. Взял другой – тоже обрезанный. И все такие. Он брал их один за другим и бросал в угол трапезной, а старуха трапезница сначала верещала, а затем не своим голосом стала вопить Иисусову молитву, почему-то прикрывая лицо фартуком. О. Дионисий строго смотрел на застывшие лица сидевших за столом и хотел сказать, что он не допустит у себя никакого беспорядка. Но ничего не мог сказать из-за переполнявшего его праведного гнева. Это было очень полезно. Он потом проверял столы: всё было нормально, а старуха, пожалевшая подпорченные помидоры, потом покаялась и с благодарностью трудилась дальше на приходе, правда на другой должности. Воспитывать надо народ-то. Вот теперь он стоял поодаль, и никто его не замечал. Плотник и на все руки умелец Сергей Михайлович пересказывал певчому Никитке эпизод из кинофильма «Семнадцать мгновений весны».

«Он-то, этот генерал, с вечера пьян был и Гитлера со всей его властью костерил и откровенничал с Штирлицем, а наутро идёт такой гордый и говорит, что всех своих противников ради фюрера разотрёт в порошок. Вот такие двуличные люди. И у нас таких полно. Разве с

такими людьми навоюешь что-нибудь...» О.Дионисий уже стал с присущей ему плавностью поворачиваться, чтобы уйти, как его заметила Лукерья Владимировна и радостно закричала: «Что же Вы стоите, о.Дионисий, проходите, садитесь!» Все сразу почтительно вскочили. «Приучил всё– таки людей уважать священников», – удовлетворённо заметил о. Дионисий. И сказал сначала мягко: «Сидите, сидите», – а потом уже, видя, что не все повинуются, протяжно и строго: «С-и-д-и-т-е...» А затем снова мягко, увещательно: «Нельзя уважаемых людей надолго оставлять одних». И вышел. Почему-то у него поднялась волна неприязни против храмового умельца Сергея Михайловича. О.Дионисий сам этого понять не мог. Ничего особенного тот не говорил, начальство не осуждал. Но говорил чересчур назидательно. Да и какое ему дело до этого генерала. Так и в наши дела начнёт нос совать и всех осуждать. Надо будет намекнуть Валериану Олеговичу, чтобы потихоньку присмотрел ему замену. И о.Дионисий остался доволен своей мудростью и особенно духовным чутьём. Болезнь нельзя запускать, болезнь надо предупреждать – в этом главная задача настоятеля, а то распусти чуть-чуть этот народ– сразу начнётся смута. И удовлетворённый своими мыслями о.Дионисий вернулся обратно за стол.

Он вышел и не услышал, как Лукерья Владимировна стала радостно говорить Тамаре Петровне, как батюшка много для неё сделал и, в особенности, для ее сына. Кем бы он был – бессловесным идиотом? А здесь, в храме, происходило непостоянное превращение его из подобия человека в собственно человека. Конечно, Лукерья Владимировна объяснялась значительно проще, но позволим слегка поправить её речь. Тамара Петровна вспомнила, как о.Дионисий много молился, когда её муж умирал от рака; как дал потом дал ей денег на похороны. А на что было тогда хоронить: всё накопленное на могилку, за советское время уничтожила перестройка в самом начале. А то, что ещё оставалась, добил последующий дефолт. Тамаре Петровне никак не могла запомнить это название, но и так всем было понятно. Тамара Петровна, не лукавя, сказала, что батюшка – это самое дорогое, что у неё осталось в жизни. А Сергей Михайлович вспомнил, каким батюшка выходил из храма после субботней вечерней исповеди в те времена, когда храм ещё только открылся. Бледный, едва переступает, а на утро ещё служить. И все замолчали, потому что любили батюшку и восхищались им.

«Молодец, Ирина Петровна, – отметил о.Дионисий, присаживаясь за стол, – Просчитала ситуацию». Дело в том, что о.Дионисий имел обыкновение удаляться потихоньку среди шумного бала и при закрытых дверях храма незаметно совершать вечерню. Это подчёркивало его неотмирность. Ирина Петровна угадывала это движение батюшки и устремлялась вслед за ним, доставала ноты и тихо подпевала своему пастырю и наставнику. Собственно, Ирина Петровна была единственным человеком, на кого можно было полностью и с уверенностью положиться. О.Дионисий не мог припомнить случая, чтобы Ирина Петровна что-то сделала не так и не вовремя. Она всё знала, всё умела, всюду появлялась в нужное время и, главное, обладала редким талантом угадывать, что желает настоятель в данную минуту. Смирения ради, о.Дионисий частенько поругивал Ирину Петровну, при этом она опускала долу свои большие синие глаза и грустила. Ирина Петровна была, как говорится, томная женщина, вдова 36 лет, пару лет назад по благословию духовника покинувшая своего ужасного мужа. Воспитание единственной дочери Наталии полностью контролировалось о.Дионисием. И вот сейчас каким-то неведомым чутьём Ирина Петровна знала, что о.Дионисий отправился не на служение вечерни, а по иным вопросам и осталась за столом, дабы интересной беседой по возможности заменить отсутствующего о.Дионисия.

Разговор шёл о Святой Горе Афон, куда о.Игорь заехал, путешествуя по Греции этим летом. Он пробыл там три дня и многое видел. Теперь он рассказывал спонсорам, что на Святой Горе даже птичка гнездо не вьёт, и службы ежедневно длятся по 12 часов. Правда, ввиду кратковременности пребывания в этом святом месте, о.Игорь так ни на одной и не успел побывать, но говорил об этих службах очень уверенно. Но он многие монастыри посетил, путешествуя на монастырской машине. Он привёз дары от своей тёщи, в том числе хорошую писа-

ную икону преподобного Силуана. И игумен был ему очень благодарен. Борис Миронович, заинтересовавшись, предложил следующим летом совершить общее паломничество на Афон, причём основную часть расходов брал на себя. Это очень понравилось о.Дионисию: хорошо проехаться по Греции, да и в русском монастыре побывать не мешает. Он же своим возрождением обязан владыке Никифору. У того было больное сердце, и очень крепко его прихватило на Афоне. Он думал уже, что умрёт, помолился великомученику и обещал помочь его обители, если прекратится этот страшный приступ. Приступ прекратился, и владыка много потом помогал монастырю и очень любил его.

«Хотя есть ещё один возможный источник слухов – диакон Александр», – вернулся к своим мыслям о.Дионисий, предоставив развиваться беседе по намеченному им руслу... При взгляде, который он невольно бросил на этого клирика о.Дионисий почувствовал сильное отвращение. Тяжела служба настоятеля, как много искушений! Большой, неуклюжий, с неопрятной бородой и длинными волосами, собранными сзади в нелепую косичку, он вызывал целую гамму отрицательных чувств высококультурного человека. И вот сейчас он, видимо, изрядно принял и тупо смотрел на стол, не принимая участия в общем разговоре. А если бы и принимал, то что бы он мог сказать умного? Избавиться от него было мечтой о.Дионисия. Вроде бы, что может быть проще, чем избавиться от диакона: не плати ему – он сам уйдёт по гнусному корыстолюбию. Пойдёт к епископу, станет ныть, да прослывет стяжателем на всю оставшуюся жизнь. И, конечно уж, его наоборот зашлют на самый бедный приход. Он-то, дурак, этого не знает! Но, к сожалению, обладает неплохим голосом, хотя, в сущности, и ничего особенного, и довольно музыкален. Нот по невежеству своему не знает. Словом, одно недоразумение. Но самое страшное, что он, как о.Дионисию достоверно сообщили верные друзья, часто заходил к епархиальному секретарю всеильному... и по часу, а то и более, беседовал с ним. И совершенно неизвестно, о чём они говорили. Ясно, что он и «стучит»: о чём можно говорить с епархиальным секретарём: В знак особого презрения о.Дионисий, сославшись на больное горло, давал иногда дьякону читать патриаршие послания. Пусть уж лучше он читает сочинения ОВЦ-эшников, всё равно, не заметит всех глупостей и стилистических погрешностей. Язык сломаешь всё это читать, пусть этот тупица с гордостью и гремит на весь храм о борьбе с водородной бомбой или терроризмом... или, что там на очереди.

«Почему я отвлекся? Ах, да-да, подрясник всему виной», – поморщился настоятель. Даже убедительные просьбы Ирины Петровны, казначея, регента и вообще, женщины изумительной во всех отношениях, скушать бутерброд с чёрной икрой, лично ею намазанный, не мог восстановить равновесия. Ирина Петровна, женщина, которая неведомым образом сочетала в себе и пышность, и изящество, форм была в храме человеком незаменимым. Упрашивала она уже минут пять – пришлось скушать, так требовала священническая этика. О.Дионисий мечтал написать книгу о священнической этике, надо же чтобы эти болтуны знали хоть что-то, но руки не доходили. Дела, всё дела. Милая улыбка, с которой Ирина Петровна сопровождала исчезающий во рту о.Дионисия бутерброд, почти что восстановила драгоценное внутреннее равновесие настоятеля, но тут мысль с короткого подрясника перескочила на другой неприятный предмет, точнее субъект, и о.Дионисий вспомнил иеромонаха Даниила. И лицо его изобразило страдание, как будто он съел нечто кислое, или его неожиданно схватила зубная боль. О.Дионисий прекрасно знал, что священник должен вести себя ровно, и лицо его не должно быть зеркалом эмоций, но не удержался. Воспоминание об о.Данииле было достаточным основанием для нарушения любых правил. О.Даниил подвизался в лавре в сане иеродиакона, когда о.Дионисий учился в академии. О.Дионисий не знал образовательного ценза о.Даниила, вероятно, тот не кончил даже семинарии, но для подобных людей образование не играло никакой роли, потому что горбатого могила исправит. О.Даниил, хоть и не был в буквальном смысле горбат, но был мал ростом, почти-то карликом, тщедушным человечком безо всякого голоса, каким-то вечно непричёсанным и неммым. По мнению о.Дионисия, его слу-

жение было оскорблением церковной службы. А уж о культуре и интеллигентности и говорить не стоило. Этот Даниил всегда ходил не в подряснике, нет, а в каком-то нелепом латаном-перелатаном, застираном балахоне. Ну, конечно же, несмотря на малый рост о.Даниила, подрясник всё равно был безобразно короток. Да разве можно такого человека рукополагать в священный сан? В священники должны идти лучшие: учёные, образованные, здоровые и, если не красивые, то, по крайней мере, не уроды. Священники должны быть физически крепкими и развитыми. По священнику будут судить о церкви. Вот в католической церкви подбору кадров уделяют большое внимание. Да такие маргиналы, как о.Даниил, католиков-то не признают, считают их еретиками. А как ему не назвать их так, ведь у них такой коротышка не получил бы ни священного сана, ни вообще какого-нибудь поста. Кроме штатного уroda на паперти. О.Дионисий едва удержался, чтобы не рассмеяться своей шутке.

Зато в лавре, у себя в келье, повесил плакат против экуменизма. Естественно, кому нужен такой уродец, вот и гоняли его с места на место. Разве он священник? Только народ, наш тёмный глупый народ, отсталый бывший советский народ, который владыкам разрывает рясы, когда те пытаются добраться до своей машины, двигаясь после службы через переполненный храм, только этот народ может носиться за этим «старцем» и ему подобными и спрашивать каких-то советов и ожидать какой-то мудрости. А что он посоветовать-то может? Двух слов не скажет, чтобы не повториться. Вот владыка Никифор мог произнести проповедь, не повторяя дважды одного и того же слова. Что толку, что он, Данилка, был и на Старом, и на Новом Афоне, – всё равно нигде не задержался, потому что нигде не может задержаться, и ничего не создал, потому что ничего создать не может. А разрушить сколько угодно. Народ же, как видит оборванца, так сразу: «Святой!» Ну, и что: жил он в какой-то хибаре на Афоне. Старец! А сейчас в какой-то конуре на Кавказе! Что же ему за его убогость пятикомнатную квартиру в новом доме дать? Что пользы от этих хибар – ты организуй народ и образуй его. Тут настроение о. Дионисия немного исправилось. Конечно, ему было тяжело, но ведь чего-то он всё же достиг. Из ничего воздвиг снова разрушенный храм. Сейчас уже расписывают, и о.Дионисий явно представил будущие росписи своего храма: без претензии, простые для восприятия. Один из умников назвал их картинками из «Закона Божия» Слободского. Ну, и пускай: завистников и критиков много, а делателей мало. Живо представил себе, как красиво смотрится храм ясным холодным осенним утром, таким, как сегодня. Иногда ему удаётся откатиться от машины, посылаемый за ним заботами старосты или Ирины Петровны. Правда, это случается довольно редко. Какое чудесное зрелище представляет собой его храм утром, когда не горят вывески около метро: «Игорный дом», «Интим», «Седьмой континент...» Взгляд так и устремляется между двумя зданиями и останавливается на золотой главке его храма. Значит, не зря он жил, не впусую трудился и положил столько сил. Если удалось восстановить хоть один храм, то жизнь прожита не зря. А этот Даниил только всем туманит мозги своими сказками на апокалиптические темы. И даже мнение самого Святейшего ничего для него не значит. Нет, достаточно одного взгляда, чтобы понять, что человек из себя представляет. Что может сделать карлик в коротком подряснике и худой обуви? Только умножать суеверия. О.Дионисий несколько раз собирал своих священнослужителей и объяснял, что подрясник должен закрывать половину каблука, то есть не доставать до пола 2-3 сантиметра. Вроде бы все поняли. Надо этих балованных юнцов вот как держать! О.Дионисий заметил, что его настроение ещё заметно улучшилось.

Он бросил взгляд в окно. Там бабки, перекусив за своей трапезой, принялись за уборку территории. Праздник – не праздник, а листья падают, и надо их собирать. Никитка и Сергей Михайлович залезли на деревья и стряхивали последние листья. Порядок есть порядок. Чтобы в жизни не случилось, дорожки зимой должны быть расчищены от снега, а осенью ни одного листочка не должно валяться на земле. Тогда мирские увидят, что есть церковь, что здесь нет безобразий, которые царствуют у них там, в миру, за оградой церкви. О.Дионисий так

утешился, что незаметно для себя отхлебнул сразу половину из своей серебряной рюмки. Но никто не заметил этой оплошности.

О.Дионисий опять погрузился в воспоминания, на этот раз далёкие и радостные: опять вспомнилось, как он молился перед чудотворной иконой в отцовском храме, как плакал почти за каждой литургией. Потом увидел себя уже молодым, полным сил семинаристом в чёрном кителе. Каждый день он находил время, чтобы помолиться у мощей преподобного, пропуская через свое сердце каждое слово акафиста. Вспомнил погрузневшие глаза преподавателя после известия от любимого ученика о решении немедленно жениться и принять священный сан. Женитьба на Людмиле, дочери известного московского протоиерея, первые службы в соборе и много-много другого хорошего. Но, почему детство так далеко, почему нет уже тех слёз, хотя надо отметить, что глаза о.Дионисия увлажнялись почти на каждой литургии. Но о.Дионисий ощущал, что это только воспоминание о тех детских слёзах. Нет ощущения радости и какой-то лёгкости, как бы поддерживающей весь мир, а есть усталость и недовольство. «Наверное, так приходит мудрость», – решил он. Но почему-то и сам этому не поверил. Взгляд его поднялся от земли до купола храма, и глаза замерли загнипнотизированные сиянием. Так переливалось золото купола. О.Дионисий долго не мог оторвать от него взгляда. Православные же бабки собирали листья на территории, потому что боялись огорчить своего настоятеля видом жёлтого листочка на ещё зеленеющей земле. Они собирали и ничего не думали. За плечами были долгие десятилетия неустанных трудов, а на плечах были болезни и непрекращающаяся нищета. Но они не думали о нищете и болезнях, потому что видели свет, для которого не надо задира́ть голову наверх. Они видели свет в конце туннеля. Самая старая из них, Вера Ивановна, которой было далеко за 80, умудрилась чудом сломать пополам давно негнушующую спину и подхватить сморщенный листок. И если бы о.Дионисий был прозорливцем, то он уловил бы её простую и вроде бы несвоевременную мысль: «Всё пережили: и голод до войны, и голод после войны, и саму войну, и всё, что было потом, и это тоже переживём...»

## **Родиош**

### **а**

Идёт по улице человек маленького роста. Круглое лицо и большие глаза выдают в этом человеке украинца. Он действительно украинец и неопределенного возраста. Хоть он совершенно не седой, но лет ему, видимо, уже немало. Глаза же его молоды. Тёмные красивые глаза живо смотрят на мир, и дорога его трудна, буквально везде его поджидают препятствия: то приходится поговорить с бабушкой, прогуливающей малыша, то нельзя не остановиться около молодого человека, моющего машину. Сейчас его внимание привлёк дворник, скальвающий лёд. Наш герой прекратил движение и начал с ним о чём-то увлечённо беседовать. Кажется, процесс скальвания льда его чрезвычайно интересует. меховая шапка скрывает довольно большую лысину, которую окаймляет густая кайма темно-русых волос, причём, очевидно, подкрашенных. Кто же этот чудак? Учёный, профессор, художник, артист провинциального театра, преждевременно вынужденный уйти на пенсию? Но вот он, наконец, оставляет труженика мостовой, проходит ещё метров 20 и вопреки всем нашим предположениям поворачивает в церковные ворота.

Да, как ни удивительно, этот человек – священник. Мы привыкли к двум типам священников. Нас не удивляет, когда солидный батюшка немалых размеров выходит из машины. Впереди него движется соответствующий его положению животик. Движения его неторопливы, ботинки отражают окружающий мир с недостижимой для простых смертных ясностью, волосы его аккуратно причёсаны и не то, чтобы коротки, но и не длинные, борода его могла бы украшать лицо преуспевающего художника или писателя, но в данном случае она используется для создания имиджа православного священника. Или вот: худой, сутулый батюшка огромными шагами несётся куда-то. Волосы его собраны в достаточно длинный хвостик цветной резин-

кой, ботинки его никогда не общались с сапожной щёткой, да и, скорее всего, общаться не могут, потому что они сделаны из неведомого материала, не способного к какой-либо обработке. Сам батюшка представляет собой модель православного секонд-хенда. Всё, надетое на нём, отобрано сердобольными матушками у своих мужей и сыновей. Впрочем, мужская часть сочувствует батюшке и не сопротивляется реквизиции. Остановись, батюшка! Но остановить его невозможно: бесконечные требы, беседы, выступления не позволяют ему ни передохнуть, ни, тем более, выспаться.

Встретившийся же нам священник не относится ни к одному из приведённых типов. Видно, что времени у него достаточно много и он особенно никому не нужен, и в тоже время понятно, что он не принадлежит к руководящему звену. Стал бы он иначе пробираться к храму, минуя лужи или, ещё хуже, скользкие кусочки тротуара, всецело полагаясь на спасительную клюку.

Но что-то влечёт его в храм, хотя, очевидно, передвигаться ему достаточно сложно. Это последствия аварии, в которой ему пришлось побывать. и разнообразных травм, преследовавших о. Родиона в последнее время. Тут и переломы верхних и нижних конечностей – следствия падений на коварной московской мостовой, и травмы головы – результат хулиганских нападений. Но о. Родион не унывает, а в приподнятом настроении, что видно по многочисленным диалогам, происходящим во время вынужденных остановок, шагает в храм. Отцу Родиону совсем немало лет, как могло бы показаться, если принимать во внимание его активную жизненную позицию. Лет ему около 70.

А, может быть, вы ожидаете рассказа о батюшке, типичного для нашего времени? Незатейливого повествования о бывшем десантнике или грушнике, одевшем рясу и в случае необходимости раскидывающем толпы бандитов. Не дождётесь. Такие имиджи ищите в телевизоре или на страницах книг «а-ля ортодокс». Нет, батюшка ничем не примечателен, кроме того, что к 68 годам умудрился провести 50 лет во священстве и из них лет 30 – среди высшего церковного начальства. Стрелять он вовсе не умеет, а сражаться умеет, наверное, только с мухами или осами, иногда к великому искушению проникающими в алтарь. Те же, кто насторожился и желает прочесть про генеральские или полковничьи погоны, спрятанные под рясой, тоже напрасно потратят время. Могу заверить вас, что Родиоша ни на кого не работал, а просто, как говорят православные... было искушение. Впрочем, история с его отставкой так в точности никому и неизвестна. Зато известно, что после нескольких лет скитания, в течение которых наш герой, видимо, был под запретом, и, говорят, даже ездил на Украину отстаивать православие от униатов, где его последние едва не убили, он снова появился в Москве и, вероятно, был прощён, потому что начал своё служение рядового священника в столичных храмах. Переход из одного храма в другой доставлял Родиоше весьма нехарактерные неприятности. Каждый раз его заставляли составлять анкету для патриархии, где следовало указать все его награды, а сделать этого он решительно не мог, потому что за те годы своего безмятежного служения он получил столько наград, что теперь никак не мог их перечислить. Церковные же чиновники считали, что Родиоша над ними издевается, не предоставляя необходимые сведения. Поклонники Родиоши говорили, что перечислить награды ему было бы совсем несложно потому, что он имел все награды, доступные священнику, но вот он никак не мог вспомнить, когда какая награда ему давалась. Тут, согласитесь, память надо иметь феноменальную.

Было ещё одно странное обстоятельство, омрачавшее жизнь Родиоши в последние годы, о котором мы уже, впрочем, говорили: это бесконечные травмы. Родиоша стал, так сказать, травмоопасен. То он сломает ногу, то руку, то получит сотрясение мозга. И причины для этого были самые разные: то плохая работа дворника, то попросту хулиганы или неправильно понявшие Родиошу, сказавшего какое-то назидание.

Но ещё хуже было то, что не было у Родиоши не только друзей, но даже и просто не врагов. За время своих трудов при патриархах Родиоша сумел испортить отношения со всеми,

и, кроме того, стать героем многочисленных легенд. Они были весьма разнообразны и передавались из уст в уста, но всегда сводились к одному: в них всегда фигурировали несметные богатства Родиоши. Почти все считали, что, работая в патриархии, он только и занимался тем, что наполнял житницы и путём, естественно, несправедливым. Пожалуй, в это не верил только молодой священник о. Алексей, служивший с Родиошей в его последнем храме. Молодым людям без печального опыта свойственно идеализировать и видеть в человеке только хорошую сторону, значительно преувеличивая её. Молодой батюшка часто видел, как Родиоша совершал литургию, как часто он непритворно пускал слезу, что, впрочем, ум трезвый припишет излишней чувствительности священника. Настоятель не мог знать, что Родиоша очень любит служить, потому что по будням, когда это можно было хорошо разглядеть, в храме практически не бывал. О. Алексей как-то хотел сказать об этом настоятелю, но когда разговор зашёл о Родиоше, то он быстро понял, что делать это бессмысленно, настолько укоренился в сознании духовенства образ могучего дельца, свергнутого с пьедестала. А в случае подобного падения, что остаётся свидетелю?

Только порадоваться торжеству справедливости. Бессмысленно апеллировать к человеческой логике: зачем человеку, поклоняющемуся мамоне, служить по будням литургии в бедном храме? Если человек накопил несметные сокровища, то зачем он таскается ранним утром на службу, опираясь на клюку, которая является очень слабым средством безопасности на московских дорогах. Ведь московские тротуары славятся своим ледяным покрытием, достигающим в некоторых случаях самого совершенства. Это совершенство Родиоша неоднократно проверял своими, так сказать, мягкими местами, а и не только мягкими, но и достаточно твёрдыми, что заканчивалось обычно переломами. Да можно и не только упасть, но поскользнуться и попасть под колёса автобуса или иномарки с равнодушным к ценности человеческой жизни водителем. И тем не менее, старый священник проделывал часто этот трудный и опасный для него путь, по мнению большинства, из-за неуёмной алчности, по мнению о. Алексия, из-за любви к Божественной службе.

Возможно, недругов старика раздражало огромное количество Родиошиных фотографий в ЖМП, так сокращённо называют «Журнал московской патриархии». Куда ни глянь – везде он, проныра. Многие знали Родиошу-командира. О. Алексей не исключал и той возможности, что Родиоша когда-то был весьма и весьма крут. Но одно дело – иметь какие-то недостатки и быть священником, другое дело – не иметь недостатков и быть неизвестно кем, только не священником, правда в рясе и часто весьма дорогого пошива.

Родиоша, кроме всего, имел примечательную черту: он очень любил патриарха Алексия I. Вообще патриархи занимали немалое место в жизни Родиоши. Это хорошо можно было усвоить, послужив один раз с Родиошей панихиду, или постояв рядом с ним у жертвенника на проскомидии. Вот старый патриархийный служака начинает поминать о упокоении патриархов Афиногора, Димитрия, Игнатия, Ефрема и т.д. И это не просто имена из календаря, а живые люди из прошлого Родиоши. У каждого старого человека есть любимая история, которую он рассказывает многократно всем, кому нужно её слушать и кому не нужно, причём рассказывается она всегда на подъёме с воодушевлением вне зависимости от количества повторений. Родиоша любил рассказывать историю, как патриарх указал ему на неточность произнесения какой-то латинской согласной, когда молодой священник читал Евангелие на древнем языке на Пасху. Из рассказов Родиоши становилось ясно, что патриарх знал несколько языков в совершенстве. Что, впрочем, можно было сказать и про самого Родиошу, только вот никто в точности не знал, сколько языков он освоил. Родиоша в старости любил подурачиться, или, выражаясь церковным языком, юродствовал, и поэтому частенько отказывался понимать языки, которые он в действительности знал в совершенстве. Патриарха Алексия он просто боготворил. О. Алексей видел, как просияло радостью лицо старика, когда он подарил ему один из выпусков «Богословских трудов», полностью посвящённый почившему патриарху.

О. Алексей, совсем ещё молодой батюшка, недавно кончивший семинарию, собирал книги на богословские и исторические темы, и вот, однажды он купил воспоминания одного архиерея, бывшего белогвардейца, проживавшего за границей и лишь по случаю собора или иного важного церковного деяния пересекавшего границу тогдашнего СССР. Конечно же, делал он это чрезвычайно редко, так как современная чрезвычайная комиссия разрешала такие переходы границы с большим трудом. В одну из таких ходок архиепископ имел беседу с Родиошей, о чём недвусмысленно свидетельствовала одна из фотографий книги. Старик, имевший вполне советское прошлое, происходивший из простой крестьянской семьи с Западной Украины, несказанно обрадовался этой фотографии русского аристократа. Разумеется, книгу пришлось батюшке подарить.

Надо сказать, что Родиоша имел довольно необычную биографию. Необычным было уже то, что в нарушение всех канонических правил он был рукоположен в 18 лет! Любопытно, что на тот момент он уже успел жениться! Такие ранние хиротонии на Западной Украине были вызваны недоверием к скомпрометировавшим себя в годы войны священникам. Видимо, с подачи властей пришлось искать молодых кандидатов на священство. Иногда самые плохие начинания невидимой десницей Божией направляются к самым добрым окончаниям. И такое рукоположение Родиоши, принесло по мнению о. Алексея весьма положительные плоды. Действительно крестьянский мальчишка стал одним из главных действующих лиц церковной истории. Правда, ему была отведена теньевая роль. Или, вернее, роль «при»: находиться при патриархе. Но сколь важную роль играют советники в иных случаях, думаю, не нужно объяснять просвещённому читателю. Простой мальчишка усвоил не только курс Духовной академии, но и выучил несколько языков, научился неплохо петь и играть на музыкальных инструментах. Как всё это произошло, сказать трудно, потому, что Родиоша старался о себе ничего не рассказывать, а если и рассказывал, то делал это в шутиливой форме. Только один раз о. Алексей слышал рассказ о его детстве, о том, как началась война. Как-то в День Победы, после совершения панихиды по погибшим воинам, Родиоша расчувствовался, глаза его увлажнились, и он рассказал о своём знакомстве с военным делом. В первый день войны мать послала его к родственникам, жившим неподалёку, но этого короткого пути было достаточно, чтобы попасть под бомбёжку. К родственникам Родиоша пришёл, не помня себя, весь окровавленный. Казалось бы, ничтожное воспоминание. Мы в век телевиденья насмотрелись более страшных историй. Но в том и разница между жизнью и телевиденьем, что мелочь, оставшаяся за пределами внимания творцов голубой реальности, иногда занимает в человеческой душе гораздо больше места, чем самые невероятные и страшные истории, когда эта мелочь проходит через самого человека. Именно это и уловил о. Алексей из тогдашнего рассказа о. Родиона. Из остальных рассказов Родиоши о его молодости о. Алексей запомнил только рассказ об освящении воды на границе Союза Советских Социалистических Республик. Молодому священнику доверили освятить воду на праздник Крещения на какой-то пограничной реке. При этом ему дали в качестве эскорта небольшое воинское подразделение, задача которого отразить возможное нападение врага, готовившегося посягнуть на нашу святую воду. Иначе говоря, нельзя было допустить, чтобы православные иностранцы с того берега, не имевшие своего батюшки, нарушили государственную границу, что чаще всего и происходило на праздник Крещения. Когда они прибыли на место, как и ожидалось, и с той, и с этой стороны православный люд занял исходные позиции, вооружившись бидонами, бадьями и прочими сосудами. Всё шло, по рассказу Родиоши, благопристойно: вот была освящена вода, выпущен по местной традиции голубь, в которого почему-то пальнули солдаты, оправдываясь впоследствии ссылками на какой-то обычай, как вдруг в следующую секунду выяснилось, что вверенные Родиоше войска не в состоянии удержать неприкосновенной территорию Советского Союза. Огромная масса людей, не взирая на договоры и соглашения, наплевав на международное право и дипломатический этикет, хлынула к заветной «иордани», а советская армия не сумела продемонстрировать свою

боевую подготовку. Все прекрасно понимали, что, когда дело доходит до серьёзных вещей, всякие мелочи вроде государственных границ попросту игнорируются. Впрочем, нельзя полностью доверять этому рассказу, потому что Родиоша мог кое-что сознательно преувеличить и даже, иной раз, так как он «уже все права завоевал», поюродствовать.

Как впоследствии Родиоша оказался в Москве, в Московской Духовной академии, о. Алексею было неизвестно. Ясно, что между двумя фактами: службой в качестве священника в одной из западных епархий и учёбой в академии, – лежал один печальный факт. Этот факт стал известен о. Алексею и не от самого Родиоши, а от кого-то другого. Умерла молодая жена Родиоши, его матушка. Положение самое неприятное: молодой священник – и уже вдовец, не имеющий возможности даже и помышлять о создании новой семьи. Дело осложнялось и тем, что детей у Родиоши не было. Но, видимо, это горе и стало началом его карьеры.

Надо сказать, что Родиоша иногда был серьёзен и рассказывал важные истории. О. Алексий даже просил его написать воспоминания, на что Родиоша отвечал, сделав очень важную мину, какую только он умел делать: «Я пишу, я всё пишу...» Забегая вперёд, можно сказать, что никаких записок он не оставил, а если и оставил, то, скорее всего, новые владельцы его квартиры отнесли их на помойку как никому ненужный хлам.

О. Алексий запомнил всего две истории, связанные с патриархом Алексием (Симанским). Первая касалась святого праведного Иоанна Кронштадтского. Из его жития известен не поддающийся пониманию случай воскрешения погибшего плода в утробе женщины. Но строгий стиль жития не может осветить всех сопутствующих моментов. Немаловажным является то, что это чудо было совершено в доме, где жила семья Симанских, и будущий патриарх сам был тому свидетелем.

Другой интересный факт Родиоша, вероятно, узнал со слов самого патриарха, хотя и сам мог быть участником этого события.

По случаю полёта первого человека в космос главный кощунник страны устроил приём в Кремле и, кроме всех прочих, пригласил туда и патриарха Алексия. Патриарх отказаться не мог, хотя понимал, что подобное мероприятие ничего хорошего для православной церкви не предполагает. Так и случилось: «освободитель» русского народа нёс в своём выступлении бред на атеистические темы. По рассказу Родиоши, яростнее других аплодировал этим «научным» излияниям Михаил Сулов. Патриарху, опять же по словам Родиоши, была предоставлена возможность каким-то образом ответить на возражения, вероятно, это должно было происходить в кулуарах. Патриарх, человек тонкий и деликатный, стал спрашивать Гагарина о его состоянии во время полёта. Тот, конечно, описывал состояние невесомости, патриарх же заметил, что, когда тело, подчиняясь закону физики, грубо говоря, болталось между полом и потолком, не различия одного от другого, душа, не подчиняющаяся никаким материальным законам, оставалась на месте. Но эта тонкая защита патриарха от обнаглевшего материализма была прервана неожиданным простым доказательством несостоятельности атеистической пропаганды в России. Некая женщина подошла к патриарху и взяла у него благословение. Сейчас в этом не нашли бы ничего удивительного. Ныне кремлёвские стены привыкли и к православным архиереям, и к раввинам, и к муфтиям и прочим, прочим. А тогда это прозвучало громом среди ясного неба. Кто такая? Кто её сюда допустил? Оказалось, что её, при всём желании, не допустить было невозможно. Потому что она пришла сюда на праздник своего сына. Это была мать Юрия Гагарина. Так простая женщина объяснила всё коммунистическим вождям гораздо яснее и доходчивее, чем сам православный патриарх.

Вот такие истории рассказывал Родиоша, когда был в настроении. О. Алексею хотелось всё время задать вопрос, почему Родиоша не стал епископом. Ведь сколько он «проводил» на службе в епископы, а сам так туда и не попал, хотя Родиоша и был монахом. Да, да, Родион – не настоящее его имя, а настоящее, монашеское, тут не имеет смысла упоминать. С пострижением Родиоши, как всегда у него бывало, связана своя особенная история. Однажды Родиоше,

тогда просто вдовому священнику, приснился сон. Подходит он к раке преподобного Сергия, наклоняется, чтобы приложиться, и в это время преподобный поднимает руку и вырывает у него клочок волос. О. Родион проснулся в недоумении: что могло бы это значить, – и тут вызывает его Святейший Патриарх и буквально заставляет принять постриг. Дело в том, что в Русской Православной Церкви вдовы священники находятся как бы в неопределённом положении. Вроде бы ничего они плохого не совершали, просто лишились по естественным причинам матушек, но существует правило Стоглавого Собора, воспрещающее пребывать священникам в таком положении. По мнению отцов Собора, лишившись спутницы жизни священник должен был обязательно принять монашество. Ныне вдовых священников не преследуют за их семейное положение, но и правила никто не отменял. Так Родиоша принял постриг.

Теперь пришло время рассказать о конце жизненного пути Родиоши. Он много чудачил и юродствовал в последние годы. Никто не мог понять: болезнь ли это ума или обличение безумия мира. Злые языки стали тут же вспоминать травму головы у о. Родиона. О. Алексей даже посвятил исследованию этого вопроса некоторое время и пришёл к выводу, что в этой ситуации нельзя точно найти ответ. Скорее, в состоянии Родиоши присутствовали элементы как юродства, так и болезни. Болезни поджидают человека в преклонных годах, бывают у святых людей и склероз, и потеря памяти. Но от этого они не становятся грешнее, и через них может по-прежнему действовать благодать Божия. Родиоша совершал безумства вполне естественно, но безумства эти частенько обличали юродство нашего мира. Так, по крайней мере, казалось о. Алексею, искренне любившему о. Родиона.

В один прекрасный день Родиоша просто забылся. Его нашли на какой-то подмосковной железнодорожной станции. Как туда он попал, было совершенно неясно, но было совершенно очевидно, что служить он более не будет. Старик пробыл в таком состоянии совсем недолго и тихо отошёл ко Господу. На похороны, как полагается, прибыло много высокопоставленных священников и заехал даже один архиерей. И, как полагается, это были именно те священники, которых менее всего желал «видеть» на своих похоронах Родиоша. Но на похороны не приглашают заранее, и приходится довольствоваться тем, что есть. Как и полагается, после похорон никто больше никогда не приходил на могилу Родиоши, кроме старушки, прихожанки одного из храмов, где последнее время служил Родиоша. Она уверяла, что по молитвам Родиоши исцелился единственный её ребёночек. Что с неё взять? Каких только суеверий не встретишь в отсталом и тёмном русском народе! И только о. Алексей украдкой, чтобы об этом ни в коем случае не узнал настоятель, каждую годовщину смерти Родиоши приезжает на его могилку послужить панихиду. Молодой ещё, сентиментальный священник. Он мне как-то шёпотом сказал, что когда он служит панихиду, ему кажется, что за его спиной стоит Родиоша, и он уверен, что, если внезапно обернётся, то увидит, как Родиоша потихоньку смахивает слезу, как это он неоднократно делал во время службы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.